

Lm.8_666 P0Lm.8_666

Соль на линзе

18+

P0Lm.8_666 P0Lm.8_666

Соль на линзе

<https://litres.ru/74379769>

SelfPub; 2026

Аннотация

****Аннотация****

Маяк в открытом море. Один человек. Соль, ветер, свет — и тишина, которую не выключить.

Он приехал сюда не за спасением. Он приехал, потому что на земле стало слишком громко. Но здесь, среди камня и воды, тишина оказалась не пустой. Она говорит. Она следит. Она прорастает в тело, в сон, в дыхание.

Каждый день — один и тот же маршрут: башня, фонарь, журнал, обход. Каждую ночь — один и тот же вопрос: кто здесь на самом деле. Человек, море или то, что не имеет формы.

Это книга не о шторме. О том, что остаётся после. Не о безумии. О его медленном, честном приближении. Не о надежде. О свете, который не спасает, но не даёт упасть.

Роман для тех, кто не боится длинного взгляда в темноту. Для тех, кто знает: одиночество — не пустота. Это место. Иногда — единственное, где слышно себя.

****Издание предназначено для лиц старше 18 лет или возраста, признанного совершеннолетием в юрисдикции распространения.****

Содержание

### Дисклеймер	5
### Глава 01. пРИЧАЛ	7
### Глава 02. Спокойный первый день	15
### Глава 03. Рутина	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

P0Lm.8_666 P0Lm.8_666

Соль на линзе

Оглавление

Дисклеймер

Глава 01. пРИЧАЛ

Глава 02. Спокойный первый день

Глава 03. Рутина

Глава 04. Судно

Глава 05. иСКАНИЯ

Глава 06. Катер - катер

Глава 07. Двери - двери

Глава 10. Стук

Глава 11. Погода

Глава 12. Скорость

Глава 13. Потери

Глава 15. Финал

Послесловие автора

Аннотация

Дисклеймер

Данное произведение является художественным вымыслом. Все персонажи, события, названия, географические объекты, организации, суда, радиочастоты, позывные, а также любые совпадения с реальными лицами, местами, обстоятельствами, перепиской или документами — случайны и не имеют отношения к действительности.

Автор не намеревался оскорбить, унижить, опорочить или дискредитировать какую-либо персону, группу лиц, орган власти, государственную, религиозную или частную структуру, а также не выражает через текст призывы к противоправным действиям, насилию, причинению вреда себе или другим, злоупотреблению веществами, нарушению общественного порядка или подрыву чьей-либо репутации.

Все описания психических, телесных и эмоциональных состояний носят исключительно художественный характер. Они не являются медицинскими, психологическими или юридическими рекомендациями и не должны восприниматься как руководство к действию. При наличии схожих симптомов или состояний необходимо обращаться к квалифицированным специалистам.

Произведение предназначено исключительно для лиц, достигших восемнадцати лет, либо возраста, признанного совершеннолетием в юрисдикции распространения, в зависимости от того, какой из указанных возрастов является более высоким.

Читатель самостоятельно принимает решение о готовности к восприятию текста. Автор не несёт ответственности за интерпретацию произведения третьими лицами, а также за возможное использование текста вне художественного контекста.

Все права защищены. Никакая часть произведения не может быть воспроизведена, скопирована или распространена без согласия правообладателя.

Глава 01. пРИЧАЛ

Он снова вышел на лестницу и сел на верхнюю ступень, свесив ноги. Отсюда, с высоты, вода казалась ещё ближе, хотя до неё было метров десять. Волны теперь появлялись — невысокие, маслянистые, они шли издалека и умирали у скалы без всплеска, просто всасываясь в трещины. Иногда, в особенно глубокой щели, воздух выходил с низким, горловым звуком, как будто остров дышал.

Лодка, на которой он приплыл, была открытая, с высоким носом и низкой кормой. Называлась она, судя по надписи на борту, «Anemone» — буквы были выведены когда-то вручную, теперь отстали по краям, оставив тёмный след клея и краску только в середине букв. Дерево по бортам серое, иссечённое солью, с зарубками от канатов. В носу лежал круглый старый буй, обмотанный пеньковой верёвкой. На корме — ящик с инструментами, закрытый куском брезента.

Перевозчик ждал молча, не подгоняя. Он сидел на подвесной банке, уперев ноги в борт, и смотрел не на пассажира, а в воду. Мотор постукивал на холостых, выдувал сизый дымок, который ветер рвал на части, уносил за корму.

Он спустил первую сумку. Перевозчик не двинулся, только перевёл взгляд на неё, как на чужую вещь. Вторую сумку пассажир опустил сам, спустившись по скользким ступеням, и поставил ближе к носу. Подошвы скользили по ржавчине, он дважды перехватывал поручень, но не оступился.

Сел на среднюю банку. Дерево было холодным. Снизу сквозило водой — мелкие брызги иногда перелетали через борт.

Перевозчик молча снял чалку — простую петлю, накинутую на чугунный кнехт у лестницы. Бросил её в лодку, не глядя. Потом сел на корму, повернул рукоятку газа. Мотор взвыл ровнее, лодка отошла от скалы, развернулась почти на месте. Берег сразу стал теряться за пеленой.

Сначала ещё можно было различить портовый кран, ржавеющий над причалом. Потом исчез и он. Остались только низкие тучи, размазанные по горизонту, как старая вата. Вода по обе стороны была пустой — ни встречных судов, ни рыбацких лодок, ни буйков. Один раз в стороне что-то мелькнуло, но это оказалась коряга.

Минут через двадцать появился запах. Сначала — соль, но концентрированная, как рассол. Потом — холодный запах мокрого камня. Ещё позже — что-то металлическое, от-

дающее ржавчиной и старым деревом. Так пахло приближение к маяку.

Сам маяк вынырнул из сумерек не сразу. Сначала был только свет — он вспыхивал на горизонте, гас, снова вспыхивал. Потом появилась вертикальная черта, тонкая, будто процарапанная в сером воздухе. Чем ближе подходила лодка, тем черта становилась шире, пока не обрела объём и не превратилась в ту самую башню.

Они подошли с западной стороны, где прибой был слабее. Скала здесь спускалась к воде не отвесно, а уступами, как сломанная лестница. Волны, набегая, взбирались на первый уступ и откатывались, оставляя в углублениях тонкую плёнку воды, которая долго не высыхала.

Перевозчик умело подвёл лодку к железной лестнице. В последний момент он сбросил газ, и лодка мягко ткнулась привальным брусом в нижнюю площадку, обмотанную старым покрышечьим кордом. Звук был глухой, как удар в толстую резину.

— Всё, — сказал перевозчик.

Это было первое слово за всю дорогу. Голос у него был низкий, но безразличный, как у человека, который повторяет

одно и то же в сотый раз.

Он встал, взял первую сумку, перешагнул через борт, ухватился за поручень. Ступени подрагивали. Вторая сумка была тяжелее, и он едва не задел её о борт, когда переносил. Перевозчик не помог.

Как только пассажир поднялся на верхнюю площадку, лодка сразу же отчалила. Он обернулся. Перевозчик сидел так же, спиной, и не поднимал головы. Через минуту лодка превратилась в тёмный силуэт, потом — в точку, потом исчезла. Остался только моторный гул, который ветер уносил в открытое море.

Он остался наверху. Один.

Только маяк, скала, дом и две сумки у ног.

Он снял куртку и повесил на перило. Она тут же натянулась под ветром, как вымпел, и захлопала с влажным, тяжёлым звуком. Он не убирал её, пока не докурил.

Окурки падали в воду и исчезали без следа. Потом он поднял сумки и пошёл по бетонным плитам к дому.

Дверь была всё так же приоткрыта. Он вошёл внутрь.

Темно. Только снаружи, через щели в ставнях, врывался белый свет маяка — через равные промежутки. Он стоял посреди комнаты и ждал, пока глаза привыкнут. Вспышка. Темнота. Вспышка. Стены, стол, стул. Вспышка. Пол, раковина, тень от башни.

Вспышка.

Темнота.

Он не был высоким, но и низким его не назвали бы. Скорее — среднего роста, но сбитым крепко, как человек, привыкший к физической работе, которую давно бросил, а тело помнит. Плечи — широкие, но уже не от работы, а от кости. Руки длинные, с крупными кистями. Пальцы узловатые, на костяшках — старые шрамы, побелевшие, как тонкие нити. Кожа на ладонях сухая, с трещинами по линиям сгиба.

Лицо узкое, с резкими скулами, которые обтягивала сероватая кожа. Брови густые, но неровные: одна заметно выше другой, отчего выражение всегда казалось вопросительным или слегка насмешливым. Глаза светлые, но не голубые — скорее выцветшие, как старая рубашка, которую слишком

долго стирали. Взгляд прямой, но тяжёлый, с прищуром, выработанным против солнца и ветра. Под глазами — тени, не от бессонницы даже, а от постоянного напряжения, которое он уже не замечал.

Нос длинный, с небольшой горбинкой, сломанный когда-то, но сросшийся почти ровно. Ноздри узкие. Рот — небольшой, губы тонкие, сухие, постоянно потрескавшиеся. Нижняя губа чуть выступала, придавая лицу упрямое выражение даже в спокойные минуты. Подбородок тяжёлый, с ямкой, покрытый тёмной щетиной, которая росла неравномерно, пятнами.

Волосы тёмные, с проседью на висках и над ушами. Коротко стриженные, но не ухоженные: местами неровно отросшие, как будто он сам подрезал их ножом. За ушами — белые нити шрамов, почти незаметные.

Шея жилистая, с выступающим кадыком. На левой стороне шеи, ближе к ключице, — старый ожог, неровный, в форме вытянутой капли. Он не прятал его, но и не говорил о нём.

Одежда была поношенной, но добротной: тёмная куртка из плотной ткани, вытертая на локтях и по воротнику. Под ней — серая рубашка с застёгнутыми почти до верха пуговицами. Рукава он носил закатанными до середины предпле-

чья, отчего были видны жилы на внутренней стороне рук — выпуклые, синеватые, как реки на старой карте.

На левом запястье — ремешок из грубой кожи, выцветший, с латунной пряжкой. Часов не было. На правой руке — кольцо на мизинце, тонкое, тёмное, почти чёрное, будто снятое с какого-то механизма, а не купленное.

Брюки тёмные, с наколенниками, протёртыми до белесой основы. Ботинки высокие, на толстой подошве, в пятнах соли и мазута. Шнурки переплетены неровно, один узел затянут сильнее другого.

Ходил он тяжело, но не шумно. Ставил ногу сразу всей стопой, как по скользкой палубе. Сутулился не спиной, а шей, слегка наклоняя голову вперёд, будто всегда шёл против ветра.

Голос был низкий, тихий, с хрипотцой. Говорил редко и коротко. Когда молчал, то не отводил взгляда, а смотрел куда-то мимо собеседника, в точку, которую, казалось, видел только он.

Пахло от него табаком, солью и сырой шерстью. Он не был старым — лет сорок, может, сорок два. Но выглядел старше, как выглядят люди, долго жившие в местах, где время счи-

тают не по годам, а по потерям.

Он не выглядел сломленным. Он выглядел так, будто его долго носили, а теперь поставили.

И он стоял.

Глава 02. Спокойный первый день

****1 полоса****

Он проснулся затемно. Маяк ещё горел, и белый свет падал через окно на пол, как гильотина. Мартин лежал, пока в голове не сложился порядок действий. Потом оделся. Куртка ещё не просохла, на плечах — холодная влага. Он не стал застёгиваться до конца, оставил ворот свободным.

Подъём в башню занял дольше обычного. Ступени были скользкими от ночной сырости. Он поднимался медленно, ставил ногу на пятку, проверял. В фонарной камере всё гудело ровно. Лампа работала. Механизм вращения не сбивался. Мартин проверил заслонки, вентиляцию, уровень конденсата на внутреннем стекле. Потом взял журнал, записал время, расход топлива, температуру снаружи и внутри. Выключил фонарь. Свет погас, и наступила такая тишина, что стало слышно, как в стенах потрескивает остывающий бетон.

Внизу он размял ноги. Сделал несколько приседаний, отжимания от дверного косяка, потом вышел наружу. Туман

лежал плотный, но низкий. Верх башни торчал над ним, как антенна. Воздух был сырой, тяжёлый, пах йодом и мокрым камнем. Он потянулся, разогнал кровь. Тело отзывалось с хрустом, но терпимо.

Завтрак: кофе, галеты, кусок копчёного мяса. Ел стоя у плиты, глядя в окно. Туман начал расползаться, открылась полоса воды. Ближе к берегу, на камнях, что-то шевелилось. Он доел, вымыл кружку, надел куртку и взял камеру.

На малое побережье спускался по узкой тропе, придерживаясь рукой за камень. Прилив ещё не набрал силу, обнажал влажную гальку. Черепахи были там — шесть или семь особей, разбросанных по косе, как валуны. Одна лежала ближе всех, панцирь блестел от воды. Он подошёл на расстояние, с которого уже можно снимать, но не тревожить. Сел на камень, подтянул колени. Свет был серый, рассеянный. Хороший для съёмки — не было жёстких теней. Он сделал несколько кадров: одиночные, пары, общий план с косой, уходящей в туман. Черепахи не двигались. Только одна, самая дальняя, повернула голову, потом медленно сползла с камня и ушла в воду. Круги разошлись и быстро погасли.

После съёмки — обход. Он начал с нижней площадки у воды: проверил лестницу, задвижки, канатную опору. Один болт пришлось подтянуть. Ключ скользил в мокрой ладони,

он дважды срывался, разбил костяшку о поручень. Кровь была тёмной, но быстро остановилась. Он заклеил ссадину пластырем. Дальше — по периметру. Южная стена башни: трещина в бетоне, старая, но расширившаяся. Отметил в журнале наблюдений. Северная: вывал мелкого камня. Тоже записал. Восточная: цистерна — крышка держится, но уровень ниже вчерашнего. Прикинул на глаз, записал. Западная: входная группа, дверь, окно. Всё на месте.

Потом склад. Внутри было темно, пахло железом, смазкой и старой резиной. Он достал опись, пересчитал запасные лампы, канистры, вёдра, фонари, бухты верёвок. Свери́л с тетрадью. Одна канистра была подписана, но пуста. Он отложил её, чтобы пометить. В дальнем углу стоял генератор. Мартин проверил масло, подтянул клеммы. Запускать не стал — не было нужды. Снаружи почистил вентиляционные решётки от налипшей соли и мёртвых насекомых. Решётка крошилась под щёткой, но держалась.

Днём он сел у окна и привёл в порядок записи. Исписал полторы страницы: время, действия, наблюдения, отклонения. Буквы выходили неровные, особенно в конце, когда пальцы замерзали. Потом закрыл журнал, убрал в ящик, придавил сверху фонариком.

К вечеру туман рассеялся полностью. Открылся горизонт,

пустой, как линия на карте. Он снова включил маяк. Фонарь разгорелся ровно. Мартин постоял в камере, глядя, как луч уходит в темноту. Потом спустился. Ужин был горячим: картофель, сваренный в мундире, немного лука. Он съел всё, вытер тарелку хлебом, которого уже почти не оставалось. Чай пил долго, по глотку.

Перед сном вышел на улицу. Вода шумела внизу. Маяк отбрасывал на воду широкую белую дорожку, которая то появлялась, то исчезала. Небо было чистым, холодным, с крупными звёздами. Он не стал снимать. Просто стоял и смотрел, пока не продрог. Потом вернулся, лёг и почти сразу уснул.

****2 полоса****

Самочувствие было неровным. Утром тело слушалось, но к середине дня в пояснице появилась тупая боль, как застрявший гвоздь. Особенно донимала правая сторона. Он не хромал, но несколько раз ловил себя на том, что при ходьбе слегка приволакивает ногу. Мышцы бёдер ныли, особенно после приседаний на холодном воздухе. Суставы щёлкали: колени, плечи, даже челюсть, когда он зевал. К вечеру добавилась тяжесть в затылке — не головная боль, а давление, как перед грозой. В ушах стоял слабый звон, не проходив-

ший даже в помещении.

Кожа на руках загубела ещё сильнее. Ссадина на костяшке саднила, но не гноилась. Губы потрескались, он несколько раз ловил языком солёный привкус. В груди периодически тянуло, особенно на ветру. Дыхание было чуть короче обычного, но не настолько, чтобы это мешало.

Ментально — тяжелее, чем вчера. Не тоска, не страх. Скорее, вязкая отстранённость. Как будто он смотрел на себя со стороны, на расстоянии вытянутой руки. Всё, что он делал, было правильным, но будто не его. Внутри не было отклика, только последовательность. Это не пугало, но и не успокаивало. В голове крутились обрывки инструкций, числа, тени. Иногда он ловил себя на том, что стоит без движения несколько минут, глядя в одну точку — на воду, на стену, на ржавый болт. Потом словно включался и шёл дальше.

Сон снова был странным, но он его не запомнил. Осталось только ощущение, что кто-то очень большой прошёл над домом, не касаясь крыши, и воздух после этого долго не мог успокоиться. Он открыл глаза, не зная, сколько проспал. В комнате было тихо. Маяк мигал. Он лежал, прислушивался, но слышал только воду и собственное дыхание. Потом снова провалился в сон — уже без образов, глубокий, как колодец. Утром проснулся разбитым, но собранным. Встал, не давая

телу времени жаловаться. Продолжил.

Глава 03. Рутина

****1 полоса****

Ночь спокойная. Маяк работал без перебоев. Один раз Мартин проснулся от того, что в трубе загудело — ровно, низко, как в органной трубе. Полежал. Послушал. Поднялся, босиком прошёл к окну. Вода была чёрная, но спокойная. Звёзды дрожали. Ветер ходил по дому, но без злобы. Он вернулся в кровать, укрылся одеялом и снова уснул. Снов не помнил.

Утром встал в четыре. Тело затекло. В комнате было холодно. Он растопил печь, не зажигая света. Пламя осветило стены неровными всполохами. Вода в ведре за ночь покрылась тонкой плёнкой льда. Он разбил её черпаком, поставил греться. Потом оделся и поднялся в башню.

Фонарь ещё горел. Линза была запотевшей. Он протёр её, проверил уровень масла, подтянул один болт на кожухе. Всё держалось. Выключил маяк. Темнота наступила не сразу, а как будто отступила в углы. Он постоял, пока глаза привыкли. Потом спустился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.